
Научная статья
УДК 94(470.64): 398(=352.3)
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-70-79

**КАБАРДИНСКИЙ СОЦИУМ В НАЧАЛЕ XX В.:
ИНТЕГРАЦИЯ В КУЛЬТУРНУЮ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
НАЛЬЧИКСКОЙ СЛОБОДЫ**

Жанситов Осман Асланович

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

© О.А. Жанситов, 2025

Аннотация. В статье исследуются проблемы интеграции кабардинцев в российское цивилизационное поле через восприятие транслируемых урбанизированной средой Нальчикской слободы культурных практик и новаций. Показана культурная жизнь Нальчика начала XX в. и ее воздействие на осваивающее «город» коренное население. Подчеркивается, что привлекательность урбанизированной повседневности слободы выступала дополнительным стимулом приобщения горцев к общероссийским гражданским порядкам. Особое внимание уделено учащейся молодежи: в отличие от старшего поколения, эпизодически контактировавшего с Нальчиком в дни ярмарок либо для решения бюрократических вопросов, эта многочисленная группа стационарно проживала в слободе в период обучения в Реальном училище и, соответственно, имела возможность более глубокой интеграции в социокультурную ткань урбанизированного пространства. В дискуссионном ключе рассматриваются вопросы, связанные с урбанизационным потенциалом Нальчикской слободы и возможностями реализации в ее пространстве «культурно-просветительских стратегий» кабардинского социума.

Ключевые слова: урбанизация, кабардинский социум, культурная повседневность, Нальчикская слобода, Терская область.

Для цитирования: Жанситов О.А. Кабардинский социум в начале XX в.: интеграция в культурную повседневность Нальчикской слободы // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 70–79. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-70-79

Original article

**KABARDIAN SOCIETY IN THE EARLY 20TH CENTURY:
INTEGRATION INTO THE CULTURAL EVERYDAY LIFE
OF THE NALCHIK SLOBODA**

Osman A. Zhansitov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

© O.A. Zhansitov, 2025

Abstract. The paper examines the integration of the Kabardians into the Russian civilizational space through the adoption of cultural practices and innovations transmitted by

the urbanized environment of the Nalchik sloboda. It outlines the cultural life of Nalchik in the early twentieth century and its impact on the indigenous population engaging with the “city”. The attractiveness of the sloboda’s urban everyday life is shown to have acted as an additional stimulus for the highlanders’ involvement in all-Russian civic norms. Special attention is paid to students who, unlike the older generations interacting with Nalchik only episodically (fairs or administrative errands), resided in the sloboda while studying at the Real School and thus had opportunities for deeper integration into the sociocultural fabric of the urban space. The discussion focuses on issues related to the urbanization potential of the Nalchik settlement and the possibilities for implementing “cultural and educational strategies” of Kabardian society in its space.

Keywords: urbanization; Kabardian society; cultural everyday life; Nalchik sloboda; Terek Region

For citation: Zhansitov O.A. Kabardian society in the early 20th century: integration into the cultural everyday life of the Nalchik sloboda. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 70–79. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-70-79

Исследования становления и развития урбанизированной среды в северокавказской окраине Российской империи в начале XX в. и ее влияния на трансформацию традиционного уклада горцев занимают одно из перспективных направлений в постсоветской историографии и демонстрируют актуальность данной проблематики для глубокого и всестороннего осмысления вопросов интеграции региона в российское административно-правовое и культурное поле.

Авторы обращают внимание на кризисные явления в традиционной культуре коренного населения, спровоцированные взаимодействием с урбанизированным пространством, но, в то же время, подчеркивают, что эта культура получила возможность выражения через городские площадки – театр, книгоиздание, профессиональное искусство [Канукова, Гутиева 2013].

Целый ряд исследований затрагивает роль урбанизации в процессах модернизации общественно-экономической и культурной жизни горских народов [Туаева 2013], а также в деле их приобщения к общероссийским гражданским институтам [Клычников, Лазарян 2014: 21–33].

Вопросам восприятия транслируемых городской средой социокультурных новаций в кабардинском обществе уделено внимание в работах Д.Н. Прасолова. Автор, в частности, прослеживает проникновение в горский социум таких элементов городских культурных практик как участие в государственных праздничных мероприятиях и посещение фотоателье [Прасолов 2014: 34–46].

В работе Т.Х. Кумыкова прослеживается роль Нальчикской слободы в развитии культуры и просвещения кабардинцев. Автор, в этой связи, акцентирует внимание на школьном образовании, сочетавшем учебный процесс с художественной самодеятельностью, включавшей как общеимперский, так и этнорегиональный культурный компонент. Т.Х. Кумыков подчеркивает также заинтересованность интеллигентской прослойки кабардинского социума в культурном освоении урбанизированного пространства слободы, как площадки, способной дать импульс развитию национальной культуры и просвещения. На это, в частности, указывают инициативы по созданию в Нальчике «научного музея», насыщение театральных постановок народными фольклорными сюжетами, участие в строительстве здания реального училища и. т.д. [Кумыков 2002: 423–431].

Л.Р. Гаунова, исследуя развитие системы светского образования в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX вв., заключает, что открытие в слободе Нальчик горской школы, преобразованной в 1909 г. в реальное училище, явилось фактором притяжения молодежи в слободское пространство и, в то же время, оказало положительное влияние на культурный облик коренного населения региона [Гаунова 2023: 115].

Изложение основной части статьи будет уместным предварить обсуждением вопроса о степени урбанизированности Нальчикской слободы в рассматриваемое

время и, соответственно, ее интеграционным, «окультуривающем» потенциале для кабардинского аграрного социума. В этой связи, заслуживают внимания исследования Д.Н. Прасолова, который дает, в целом, скептические оценки по данной проблеме. Его аргументация, подкрепленная фактологией, сводится к следующему. Несмотря на то, что Нальчик являлся административным центром Нальчикского округа, он к началу XX в. по качественным параметрам и темпам урбанизационных процессов заметно отставал от уже сложившихся городов северокавказского региона – Владикавказа, Пятигорска, Екатеринодара и т.д. Хозяйственный уклад и образ жизни большей части населения слободы соответствовал скорее сельской местности, чем городской. По этой причине ходатайства нальчикских властей и общественности о присвоении слободе городского статуса не были удовлетворены. Кроме того, замкнутая социальная организация слободы, непри приспособленность ее поселенческой структуры к религиозным нуждам горского населения (отсутствие мечети), языковой барьер ограничивали возможности кабардинцев стационарного закрепления и реализации культурно-просветительских стратегий в пространстве Нальчика. В этих обстоятельствах, эффективное и более гармоничное вовлечение кабардинцев в урбанизационные процессы и, в частности, интеграция в городскую культурную среду, были связаны не столько с Нальчикской слободой, сколько с городами за пределами административных границ Кабарды – Пятигорском, Владикавказом, Георгиевском и др., которые, собственно, и воспринимались ими как «настоящие города». Не случайно, по мнению автора, в 1922 г. глава Кабардино-Балкарской автономной области Б. Калмыков добивался у центральных властей включения Пятигорска в состав автономии и переноса туда ее столицы из Нальчика, недавно получившего статус города [Прасолов 2016].

Выводы Д.Н. Прасолова, безусловно, обогащают дискурс вокруг затрагиваемой проблематики. Однако, можно привести доводы и в пользу Нальчикской слободы, как пространства, урбанизационный потенциал которого, был в то время достаточным для реализации, в том числе, и «культурно-просветительских стратегий» кабардинского социума. Вопрос о том, как кабардинцы воспринимали город – неоднозначный. Возможно, увидев Москву, Санкт-Петербург или европейские столицы, тот же Владикавказ и Пятигорск уже не воспринимались бы ими как «настоящие города». Кабардинец, попадавший в Нальчик, явно ощущал контраст, между слободской слаборазвитой, но все же урбанизированной инфраструктурой и своим аулом, где наиболее выдающимися и разнообразными однородный ландшафт строениями были пара капитальных домов состоятельных аристократов и мечеть. Всадники Кабардинского конного полка «Дикой дивизии», во время его дислокации в Нальчике, по свидетельству очевидца, чувствовали здесь себя «затерянной песчинкой» [ГАРФ Ф. 5911. Оп. 1. Д. 16. Л. 23], то есть, оказывались в состоянии сельчанина, дезориентирующегося при контакте с непривычным урбанизированным пространством.

В силу административного и географического факторов, контакты кабардинцев с Нальчиком были более «массовыми», частыми и регулярными, нежели с другими окружными и областными центрами региона. Урбанизированная среда слободы сосредотачивала в себе точки «культурного роста» – самостоятельные театры, образовательные учреждения, площадки проведения торжественных мероприятий, с которыми соприкасались пребывавшие в Нальчике кабардинцы.

Отметим также, что языковой барьер, отсутствие условий для исправления религиозных обрядов и социальная замкнутость населения какого-либо урбанизированного пространства могут сдерживать, но не являются препятствием для освоения последнего иноэтничными, «иноверными» группами. Достаточно взглянуть на этническую карту европейских и российских городов с яркими вкраплениями среднеазиатских, ближневосточных и африканских анклавов. Кроме

того, кабардинцы осваивали не «чужеземные далекие берега», а заново осваивали преобразенную инокультурной средой локацию в «сердце» их этнической территории, что, на наш взгляд, облегчало процесс их интеграции в ее урбанизирующееся пространство и восприятие транслируемых ею культурных новаций. Это подтверждается многочисленными свидетельствами современников, которые приводит Д.Н. Прасолов в описании процесса превращения преимущественно русскоязычного Нальчика, как административного центра Кабардинского (Нальчикского) округа, в столицу, сосредоточение общественной и культурной жизни Кабарды [Прасолов 2022: 153–164].

Что касается, инициативы переноса столицы Кабардино-Балкарской автономной области в Пятигорск, то здесь имела место не столько недостаточная инфраструктурная приспособленность Нальчика к реализации этой функции, сколько стремление кабардинской советской элиты в условиях революционного переустройства бывшего пространства Империи и открывшихся с ее крахом перспектив национально-государственного строительства, под благовидным предлогом вернуть в «лоно» Кабарды отторгнутые «царизмом» территории, в частности, некогда густо населенный кабардинцами район Пятигорья. Подобное стремление, удалось, к примеру, реализовать ингушам, которым во время перекройки административных границ Терской области большевиками были переданы расселенные на территории их традиционного проживания казачьи станицы.

Таким образом, дальнейшее повествование настоящей статьи будет выстраиваться с учетом вышеприведенных тезисов.

После включения Кабарды в состав России первоочередной задачей царской администрации в регионе стала интеграция коренного населения в имперское административно-правовое и культурное поле. В первое время этот процесс носил принудительный характер, выражаясь в переформатировании традиционного общественно-политического и хозяйственного уклада кабардинцев в соответствии с интересами колониального администрирования в северокавказской окраине.

Координирующим центром интеграции новых подданных стало заложенное в центре Большой Кабарды в 1818 г. Нальчикское укрепление. Здесь по распоряжению российской власти стали проводиться народные собрания (впоследствии – съезды доверенных) кабардинцев, повестка и регламент которых, определялась военным начальством. В Нальчике начал работу Временный Кабардинский суд, а также была основана аманатская школа, в которой обучались отпрыски местной сословной элиты.

С течением времени, когда лояльность кабардинцев царской администрации достигла приемлемых показателей, процесс их вовлечения в российское цивилизационное поле пошел более быстрыми темпами и, к тому же, отчасти стимулировался заинтересованностью самих горцев в освоении социокультурной среды урбанизирующегося пространства Нальчика, преобразованного в 1862 г. в слободу. Привлекательность светской русской урбанизированной повседневности начала XX в., в частности, таких ее проявлений как театр, кинематограф, фотоателье, «студенческая» жизнь, променады и т. д., которые становились отчетливой приметой Нальчикской слободы, служила дополнительным импульсом интеграции кабардинцев в российское административно-правовое пространство.

Конечно, культурная жизнь Нальчикской слободы не была такой же насыщенной и разнообразной как, допустим, в административном центре Терской области – г. Владикавказе, и других крупных по меркам того времени городах Северного Кавказа – Пятигорске и Ставрополе, не говоря уже о Москве и Санкт-Петербурге, но, все же, производила эффект футурошока в традиционной картине мира сельского населения Кабарды.

В слободе сложилась городская планировка улиц, строились капитальные жилые и административные здания, среди которых выделялись своей масштабностью

и архитектурными изысками церковь Симеона Столпника и возведенное в 1913 г. Кабардино-Горское Реальное училище, был открыт железнодорожный вокзал.

Нальчикские обыватели выписывали газеты, научно-популярные иллюстрированные журналы. К их услугам в 1896 г. была открыта публичная библиотека и две книжные лавки, содержащиеся при магазинах местных купцов И. Новиковского и Г. Зипалова.

Изредка в слободе давали представление гастролировавшие по городам Кавказского края и, в частности, Терской области профессиональные творческие коллективы. В июле 1894 г. в Нальчике прошли два концерта знаменитой в России и за ее пределами «Славянской капеллы» – образованного в 1868 г. вокально-инструментального коллектива, исполняющего в новаторской обработке народные песни. В 1903 г. большим событием для нальчан стали гастроли цирка Панкратьева. Светскую жизнь Нальчикской слободы оживляли редкие визиты российских знаменитостей, привлекавшие внимание просвещенной части «туземного» населения округа. Здесь в разное время гостили композитор С. Танеев, писатели В. Гиляровский и М. Вовчок, опальный художник М. Алехин, который был наиболее видным представителем располагавшейся на хуторе Долинском, в предместьях Нальчика общины толстовцев, исповедовавших популярное с конца 80-х гг. XIX в. среди российской интеллигенции учение Л. Толстого.

Особенно запомнился приезд в Нальчик в августе 1917 г. любимца российской публики певца Ф. Шаляпина. Здесь ему организовали высокий прием представители кабардинской и горской (балкарской) интеллигенции, которые, собственно, и пригласили, отдыхавшего в соседнем Кисловодске знаменитого певца. «На днях ездил в местечко Нальчик, – сообщал в письме своей дочери Ф. Шаляпин, – это очень красивое место – горы и степь... кабардинцы, узнав о моем приезде, собрались компанией и устроили мне пикник – говорили речи, жарили на огне целого барана, танцевали, пели и делали джигитовку верхом на лошадях» [Пеннер В., Пеннер Н. 1993: 23].

В дореволюционном Нальчике существовали самодеятельные театральные коллективы, в деятельности которых активное участие принимали как сами слобожане из числа почитателей искусства, так и обучающиеся здесь в горской школе, преобразованной в 1909 г. в Реальное училище, кабардинцы и балкарцы. Последние часто привлекались школьной дирекцией к постановкам пьес, музыкальным и поэтическим вечерам.

В феврале 1907 г. в слободе состоялся «духовно-литературный» концерт, в рамках которого местный церковный хор исполнял популярные в то время произведения композиторов Бортнянского и Алябьева. «Большую поддержку концерту, – сообщает газета «Терек», – оказал ученический оркестр горской школы. В антрактах и между пением им было исполнено несколько пьес и романсом. Несмотря на короткий период своего существования, оркестр играет очень порядочно и составляет гордость не только школы, но и родителей-кабардинцев, которые нередко из отдельных районов приезжают послушать своих детей музыкантов» [Терек 1907: 3].

Константин Фурс, один из учеников Реального училища, в своих мемуарах рассказывает о прошедшей в Нальчике в 1914 г. художественной выставке, где были выставлены «примечательные рисунки и чертежи реалистов», и отмечает, что «почти все они принадлежали кавказцам – кабардинцам, балкарцам и осетинам. Лишь несколько – русским» [ГАРФ. Ф. Р-5888. Оп. 2. Д. 714. Лл. 2–32].

Вообще, стоит отметить, что количественно представительной и наиболее восприимчивой к потреблению урбанизированного культурного контента в пространстве Нальчикской слободы прослойкой кабардинского социума являлась обучающаяся здесь молодежь. В отличие от взрослого поколения, осваивающего Нальчик в качестве служащих гражданской и военной администрации, она была

менее отягощена опытом и багажом традиционного, консервативного мировосприятия и, соответственно, с большим успехом впитывала (ино)культурные тренды, формируя в своей среде качественно новый, светский, модернизированный и открытый для гармоничной интеграции в российское цивилизационное поле тип кабардинца.

Не случайно, царская колониальная администрация, открывая в Кабарде при крепости Нальчик первую горскую (аманатскую) школу, ожидала, что ее выпускники изменят «свои первоначальные представления и, постепенно отказываясь от своей неприязни к русским», возвратятся «к домашним очагам более образованными, более развитыми и приобщенными к европейским нравам» [Пеннер В., Пеннер Н. 1993: 15].

По имеющимся данным архивных фондов в 1913 г. в Реальном училище обучалось среди прочих 68 кабардинцев и 16 балкарцев. По спискам за 1916 г. – их число возросло до 91-го [Опрышко 2020: 9, 10]. На фоне малочисленного населения слободы (в начале XX в. оно составляло около 5000 человек) учащаяся «туземная» молодежь выступала довольно заметной и оживляющей местный этнокультурный пейзаж прослойкой. При этом, в отличие от своих родителей, эпизодически посещавших Нальчик по каким-либо бюрократическим вопросам, или в дни проведения ярмарок, ученики Реального училища в период занятий проживали здесь стационарно: незначительная часть у обосновавшихся в слободе и в находящемся в ее предместье кабардинском селении Вольный Аул родственников и подавляющая часть в специально открытом для реалистов пансионе (общежитии). Помимо осваивания, непосредственно, учебных дисциплин, реалисты имели возможность погружаться в культурную повседневность Нальчика: посещать выступления гастролировавших здесь артистов и театральных трупп, становиться участниками различных торжественных массовых мероприятий, лицезреть курортную публику и т.д. Таким образом, стационарное, длительное пребывание в урбанизированной среде служило важным фактором продуктивного восприятия транслируемых ею культурных новаций.

Различного рода театральные постановки, концертные программы, устраиваемые, например, по случаю юбилея В. Жуковского А. Пушкина, или М. Лермонтова или же в благотворительных целях составляли, своего рода, культурную программу делегатов ежегодно проводящегося в Нальчике Съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ. Нередко организаторы благотворительных вечеров, стремясь заполнить зал и тем самым собрать больше средств, открывали их именно в дни заседания института окружного самоуправления кабардинцев и балкарцев. «Бывает время, – писала газета «Терские ведомости», – когда Нальчик, как центр управления округом и сердце Кабарды, ознаменовывается съездом представителей этого народа для выбора судей старшин и для обсуждения других общественных вопросов. Вот этим-то временем и воспользовалась С. Полозова (супруга начальника Пятигорского округа, патронирующая Нальчикскую бесплатную женскую школу и в конце декабря 1878 г. организовавшая в ее пользу благотворительный вечер, – О.Ж.). Пьесы прошли хорошо, потому что каждый из участвовавших отнесся добросовестно к своей роли; публика, состоявшая почти исключительно из кабардинцев, получивших воспитание в России и, следовательно, хорошо понимающих русский язык, получила полное удовольствие и сбор от спектакля вполне окупил хлопоты» [Терские ведомости 1878].

В начале XX века в среде кабардинцев появляются собственные театральные деятели, пытающиеся адаптировать местные фольклорные, историко-этнографические сюжеты к передаче через профессиональное искусство и, тем самым, вносящие свежую струю в культурную жизнь Нальчика. В этой связи заслуживает внимание деятельность просветителя, поэта, выходца из дворян Т-С. Шеретлокова, получившего среднее образование в Санкт-Петербурге и, соответственно,

пропитанного культурной атмосферой этого города. Вернувшись на малую родину, движимый стремлением расположить к театральному искусству своих земляков, он пишет и ставит силами учеников (как кабардинцев, так и русских) Нальчикского реального училища ряд драматических пьес, в том числе, получившие признание «Кушук и его невеста» и «Казанок Джабаги».

Модным развлечением, постепенно охватывавшем практически все слои населения Нальчика, стали такие достижения прогресса как фотография, «волшебный фонарь» – аппарат, проецирующий на экран различные картинки (что, в зависимости от их тематики, обычно сопровождалось познавательной лекцией или музыкальным аккомпанементом), а также кинематограф, которые становились неотъемлемой и самой ожидаемой частью любой концертной программы. Конечно, такие «чудеса» не оставались без внимания неискушенной кабардинской публики. «Служа как бы столицей, – писала газета «Терские ведомости», – Нальчик естественно притягивает к себе кабардинцев и на них невольно отражается всякое выдающееся явление в жизни русского нальчикского общества» [Живая старина 1993: 155].

Кабардинцы становятся частыми посетителями нальчикских, владикавказских и пятигорских фотостудий, обслуживавшихся известными в то время мастерами И. Черджиевым, И. Новиковским и А. Берсиевым. В. Гатцук, описывая случай, когда в дом его знакомого в Кисловодске, приехали по делам кабардинцы. Увидев фотоаппарат, они проявили большое любопытство. Видя это, гостеприимный хозяин сфотографировал их и к следующему приезду показал проявленные фото: «нужно было видеть их восторг, когда они разглядывали каждый себя на портрете» [Гатцук 1906: 1318–1319].

Д. Прасолов, исследовавший проблему этнокультурной трансформации кабардинцев в условиях взаимодействия с городом, отмечал, что «целенаправленное фотографирование, чаще всего парадных семейных или индивидуальных портретов к началу XX в. постепенно превращается в гуманитарную потребность. Среди артефактов семейных фотографий кабардинцев... мы видим фотографии преимущественно состоятельных привилегированных семей, которые могли себе позволить оплатить приезд фотографа или организовать совместную поездку в город для посещения фотоателье. Примечательно, что одежда и аксессуары героев фотографий нередко демонстрируют атрибуты городской европейски ориентированной культуры жизнеобеспечения» [Прасолов 2014: 45].

Как административный центр Кабарды Нальчик становится местом проведения торжественных мероприятий, связанных с восшествием на престол очередного русского императора, или же с визитом высокого российского чиновника. Кавказская администрация массово привлекала к таким мероприятием местное население, тем самым приобщая его к общеимперской повестке. Для рядового горца коронация императора, его смерть, победа русского оружия и т.д. должны были становиться и становились важными, переживаемыми, актуальными событиями, как и для любого российского подданного. Как правило, площадкой отмечания подобных событий, торжественных или скорбных, выступало уже сложившееся в Терской области урбанизированное пространство, с его площадями, приспособленными для размещения людской толпы, мощеными улицами для шествий, зданиями, оформлявшимися в соответствии с тематикой мероприятий, и обслуживающими последние оркестровыми и хоровыми коллективами.

Кабардинцы, как знатные, так и «простолюдины» охотно участвовали в таких мероприятиях, привнося в них национальный колорит, в виде народных танцев, пения и скачек. «Почти с самого своего основания, – пишет Д. Прасолов, – Нальчик становится пространством, где сосредотачиваются новые формы праздничной культуры, в которой сочетались важные государственные события и вехи в развитии кабардинского общества» [Прасолов 2014: 41].

Помимо Нальчика кабардинские почетные депутации посещали торжественные мероприятия в соседних Владикавказе и Пятигорске, приуроченные, к примеру, к посещению этих городов императором, в ходе его ознакомительно-инспекционной поездки по кавказским владениям.

В начале XX в. наиболее грандиозными событиями в жизни Нальчикской слободы стали мероприятия, связанные со строительством и открытием здания Реального училища.

19 июля 1911 г. в Романовском сквере Нальчикской слободы собралась многочисленная публика. Здесь были как официальные лица – начальник Терской области, атаман А. Михеев, начальник Нальчикского округа С. Клишбиев, попечитель Кавказского учебного округа Н. Рудольф, духовные лидеры православного и мусульманского населения округа, так и представители простого народа, в частности, ученики Реального училища и их родители, проделавшие долгий путь из своих аулов. На празднично обустроенной площадке произносились пафосные речи, оцет Михаил Жуков и эфенди Тагир Шадов провели молебны, играл оркестр и после закладки первого камня в основание возводимого здания начались народные гуляния [УЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 826 Т. 3. Лл. 165–167].

Два года спустя, 20 октября 1913 г. в еще более торжественной обстановке состоялось открытие здание Реального училища. Примечательно, что, как и в первом случае, присутствовавшие на этом празднестве в Нальчике многочисленные представители коренного населения являлись главными, непосредственными «виновниками торжества», а не привлекались, как раньше, в качестве декорации, призванной подчеркнуть вовлеченность горцев в общеимперский календарь праздничных мероприятий. Ведь в открытии здания Реального училища решающим выступало то обстоятельство, что оно было возведено за счет ассигнований из «Кабардинской общественной суммы», то есть, на народные средства, которые, к тому же, можно было направить на реализацию каких-либо актуальных для того времени инфраструктурных проектов. В этой инициативе отразились приоритеты, ставившиеся во главу угла «туземным» населением Нальчикского округа, а именно – образование и просвещение – как ключевой фактор модернизации общества и его гармоничной адаптации к меняющейся картине мира.

Культурная повседневность урбанизирующегося пространства Нальчикской слободы в начале XX в. обладала ощутимым интеграционным потенциалом. Его прямому воздействию поддавалась, прежде всего, та малочисленная часть кабардинского социума, которая в стационарном формате осваивала Нальчик. Остальное же население Кабарды, тем не менее, ощущало опосредованное воздействие транслируемых урбанизированной средой культурных практик, что сказывалось на трансформации традиционного общественного уклада и подготавливало почву для формирования общеимперской/советской идентичности.

Список источников и литературы

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
Гатцук 1906 – *Гатцук В.А.* Черкесы: (Исторический очерк) // Юная Россия. М., 1906. Октябрь. С. 1310–1322.
Гаунова 2023 – *Гаунова Л.Р.* Слобода Нальчик как образовательный центр Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX вв. // Северокавказский город как пространство социально-экономического развития и межкультурного диалога: материалы Международной научно-практической конференции (Нальчик, 28–30 сентября 2023 г.): в 2 частях. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2023. Ч. 1. С. 109–117.
Живая старина 1993 – *Живая старина*. 1993. № 3. С. 14–19.
Канукова, Гутиева 2013 – *Канукова З.В., Гутиева Э.Ш.* Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации // Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49). С. 71–82.

Клычников, Лазарян 2014 – *Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С.* Города как пространство социокультурной адаптации автохтонного населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта // *Город в этнокультурном пространстве народов Северного Кавказа: материалы X Конгресса этнографов и антропологов России*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. С. 21–34.

Кумыков 2002 – *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкар-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 2002. 446 с.

Опрышко 2020 – *Опрышко О.Л.* Жизни и судьбы: Ученики Кабардино-Горского реального училища. 1909–1920. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2020. 344 с.

Пеннер В., Пеннер Н. 1993 – *Пеннер В.Я., Пеннер Н.В.* Нальчик глазами современников. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1993. 142 с.

Прасолов 2014 – *Прасолов Д.Н.* Город как фактор этнокультурных трансформаций в традиционном кабардинском обществе // *Город в этнокультурном пространстве народов Северного Кавказа: материалы X Конгресса этнографов и антропологов России*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. С. 34–47.

Прасолов 2016. – *Прасолов Д.Н.* Нальчик и кабардинское общество в XIX – начале XX в. // *Уральский исторический вестник*. № 3 (52). 2016. С. 53–61.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Принт Центр, 2022. 240 с.

Терек 1907 – *Терек* 1907. № 53.

Терские ведомости 1878 – *Терские ведомости*. 1878. № 2.

Туаева 2013 – *Туаева Б.В.* Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX – начала XX вв. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований ВШЭ РАН и Правительства РСО-А, 2013. 426 с.

УЦГА КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.

References

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. (In Russian)

GATSUK V. Cherkesy [Circassians]. IN: *Yunaya Rossiya (detskoe chtenie)*. 1906. October. (In Russian)

GAUNOVA L.R. Sloboda Nal'chik kak obrazovatel'nyi tsentr Kabardy i Balkarii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The Nalchik Sloboda as an Educational Center of Kabarda and Balkaria in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. IN: *Severokavkazskii gorod kak prostranstvo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i mezhkul'turnogo dialoga: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Nal'chik, 28–30 sentyabrya 2023 g.)*. Nal'chik: Kabardino-Balkarskii universitet, 2023. Pt. 1. (In Russian)

Zhivaya starina [Living Antiquity]. 1993. No. 3. (In Russian)

KANUKOVA Z.V., GUTIEVA E.SH. Gorodskoe prostranstvo Severnogo Kavkaza: traditsionnaya kul'tura v usloviyakh urbanizatsii [Urban Space of the North Caucasus: Traditional Culture under Urbanization]. IN: *Izvestiya SOIGSI*. 2013. No. 10(49). P. 71–82. (In Russian)

KLYCHNIKOV YU.YU., LAZARYAN S.S. Goroda kak prostranstvo sotsiokul'turnoi adaptatsii avtohtonnoho naseleniya Severnogo Kavkaza v protsesse osushchestvleniya rossiiskogo modernizatsionnogo proekta [Cities as a Space of Socio-Cultural Adaptation of the Indigenous Population of the North Caucasus in the Course of the Russian Modernization Project]. IN: *Gorod v etnokul'turnom prostranstve narodov Severnogo Kavkaza: materialy Kh Kongressa etnografov i antropologov Rossii*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 2014. P. 21–34. (In Russian)

KUMYKOV T.KH. Obshestvennaya mysl' i prosveshchenie adygov i balkaro-karachaytsev v XIX – nachale XX v. [Public Thought and Enlightenment of the Adygs and the Balkar-Karachays in the 19th – Early 20th Centuries]. Nal'chik: Izdatel'stvo "El'brus", 2002. 446 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. Zhizni i sud'by: Ucheniki Kabardino-Gorskogo real'nogo uchilishcha. 1909–1920 [Lives and Fates: Pupils of the Kabardino-Gorsk Real School. 1909–1920]. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Krtlyarovykh, 2020. 344 p. (In Russian)

PENNER V.YA., PENNER N.V. Nal'chik glazami sovremennikov [Nalchik through the Eyes of Contemporaries]. Nal'chik: Izd. tsentr "El'-Fa", 1993. 142 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. Gorod kak faktor etnokul'turnykh transformatsii v traditsionnom kabardinskom obshchestve [The City as a Factor of Ethno-Cultural Transformations in Traditional Kabardian Society]. IN: Gorod v etnokul'turnom prostranstve narodov Severnogo Kavkaza: materialy Kh Kongressa etnografov i antropologov Rossii. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 2014. P. 34–47. (In Russian)

PRASOLOV D.N. Nal'chik i kabardinskoe obshchestvo v XIX – nachale XX v. [Nalchik and Kabardian Society in the 19th – Early 20th Centuries]. Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Bulletin]. 2016. No. 3(52). P. 53–61. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *S'ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev* [Congress of Entrusted in the Political Culture of the Kabardians and Balkars]. Nal'chik: Print Tsentr, 2022. 240 p. (In Russian)

Terek [Terek]. 1907. No. 53. (In Russian)

Terskie vedomosti [Terek Gazette]. 1878. No. 2. (In Russian)

TUAEVA B.V. Gorod i gorodskie sosloviya Severnogo Kavkaza v usloviyakh rossiiskikh preobrazovaniy vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [The City and Urban Estates of the North Caucasus under the Russian Reforms of the Late 19th – Early 20th Centuries]. Vladikavkaz: Severo-Osetinskii institut gumanitarnykh issledovaniy VNTS RAN i Pravitel'stva RSO-A, 2013. 426 p. (In Russian)

UTsGA KBR – Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Directorate of the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Информация об авторе

О.А. Жанситов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

O.A. Zhansitov – Candidate of Science (History), Senior Researcher, the Sector of Modern History.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 05.11.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 15.12.2025.